

Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность?

ТАТЬЯНА КОТЮКОВА

95 лет назад в Центральной Азии началось самое серьезное восстание, направленное против русского присутствия. Регион и ранее периодически сотрясали антироссийские восстания, которые вне зависимости от того, какие определения и оценки давали им современники или дают историки нашего времени, отражали вполне очевидное стремление к национальному освобождению. Последним крупным восстанием 90-х годов XIX в. в Туркестане было Андижанское (1898 г.). Из этих событий Россия не смогла извлечь необходимого урока, что в 1916 г. привело к повторению кровавых событий и с большими человеческими жертвами.

Зачастую, увлекаясь вполне понятной политической задачей, исследователи позиционировали восстание как «борьбу трудящихся края с эксплуататорским колониальным режимом», а следовательно, как пролог следовавших одна за другой революций. При этом на второй план уходила сложная предыстория конфликта.

Даже на страницах серьезных изданий в качестве научного комментария о «восстании 1916 г. в Семиречье» говорится, что «имеется в виду вооруженное восстание под предводительством Амангельды Иманова (июль 1916 г. – март 1917 г.). Восстание охватило Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую и Степную области с более 10-миллионным многонациональным населением»¹. Налицо ряд неточностей:

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. E-mail: kotyukova@mail.ru

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Первая мировая война, восстание в Семиречье (1916 г.), русские крестьяне-переселенцы, тыловые рабочие.

– во-первых, Амангельды Иманов руководил восстанием только на территории Тургайской области Степного края;

– во-вторых, перечисляя области, охваченные восстанием, авторы забывают самый главный эпицентр восстания в Туркестане – Семиреченскую область. Это при том, что авторы пытаются объяснить, что из себя представляет восстание именно в Семиречье;

– в-третьих, в тексте фигурирует неизвестная административно-территориальному делению Российской империи единица – Степная область. Вероятно, речь идет о Степном генерал-губернаторстве (по официальным документам – Степной край, включавший в себя Акмолинскую, Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области).

В преддверии драмы

Как у любого массового проявления народного недовольства, у восстания 1916 г. было много причин. Все вместе они составляют комплекс непродуманных действий со стороны России. Первая мировая война и царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы сыграли лишь роль катализатора, усугубив экономическую и обострив политическую ситуацию в регионе. Основные причины были иные.

Переселение крестьян из центральных европейских губерний империи в так называемую Азиатскую Россию привнесло в жизнь региона новую этническую, языковую и религиозно-культурную компоненту, которая далеко не всегда безболезненно и гармонично вписывалась в уклад жизни коренного населения.

Причин для этого было множество. Это и проблемы, связанные с адаптацией в непривычных природно-климатических условиях, проблема интеграции в принципиально иную этнокультурную и языковую среду, и др. В итоге часть переселенцев предпочла вернуться обратно на родину. Те же, кто остались, стали ядром быстро формирующейся русской диаспоры, так называемых «русских туркестанцев».

Основной эпицентр восстания 1916 г. в Туркестане находился в Семиречье.

Именно сюда устремился основной поток переселенцев. Крестьяне устраивались здесь либо самовольно, входя в те или иные соглашения с коренным населением, а зачастую и без них; либо на так называемых «излишках» земли, изъятие которых государство узаконило в 1910 г.; или в организованном порядке, с 1912 г., на землях, орошенных за счет государственных средств. Этот последний вид колонизации не успел получить значительного расширения в связи началом Первой мировой войны.

В 80-х годах XIX в. среди русской администрации Туркестана была очень популярна фраза генерала Н.И.Гродекова, что «Каждый новый русский поселок в Туркестане равносителен батальону русских войск». Этот тезис стал в известной степени лозунгом момента для местной власти.

Исходя, в том числе из военно-полицейских соображений, власть принимала все возможные меры, чтобы организовать как можно больше русских поселков. Их расположение подчинялось определенным стратегическим интересам, а в конце 80-х годов стала проводиться в жизнь мысль о снабжении переселенцев оружием.

Первоначально в официальных документах отмечалось, что это делается для охоты или обороны от диких животных. Позднее власти не скрывали, что оборо-

няться, скорее всего, придется от коренных жителей.

В 1867 г. Н.А.Маевым* был составлен документ «Записка поручика Маева о мерах к увеличению русского населения в Туркестанской области». В нем была сформулирована идея заселения края не только крестьянами из центральных губерний, но, в первую очередь, запасными нижними чинами.

Указывая стратегически выгодную линию заселения, Маев пишет: «Из этих солдатских поселений образуется по реке Сыр-Дарье непрерывный ряд слобод, наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу в случае, если в Туркестанской области возникнут какие-либо беспорядки».

Таким образом, взгляд на русские поселки как на боевые единицы присутствовал в переселенческой политике. Безусловно, кроме внутреннего фактора – недоверия к коренному населению существовал и внешний фактор – приграничное стратегическое положение Туркестана.

Вооружение населения началось в 1891 г.² В 1909–1910 гг. власти изменили курс и начали разоружать крестьян². Но летом 1912 г. по распоряжению военного министра этот процесс был остановлен. Первая мировая война и недостаток оружия заставили власти перебросить значительную часть вооружения из Туркестана на фронт.

Мустафа Чокаев, один из лидеров туркестанской эмиграции, отмечал: «Если впереди европейских колонизаторов шли миссионеры и коммерсанты – первые искавшие “просвещения душ”, а

вторые – рынка для сбыта продуктов отечественной промышленности, то впереди российских “культуртрегеров” шли русские крестьяне, превращенные русской историей и русским правительством в “охотников до чужой земли”» (Париж, 26 марта 1932 г.)³.

В Туркестане всегда существовали противоречия между кочевым и оседлым населением, между тюрками и таджиками, между шиитами и суннитами**. Но они возникали в рамках исламской цивилизации.

Ислам – очень важный фактор, с которым царской, а затем и Советской России приходилось считаться, выстраивая взаимоотношения с населением Туркестана. Поэтому русское правительство искало пути утверждения своего влияния, учитывая определяющее место ислама и исламского духовенства в жизни региона. Правительство не предпринимало активных попыток «выдавливания» ислама (например, в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку), скорее здесь проводилась политика «невмешательства в духовные дела мусульман», хотя некоторые шаги по ограничению влияния ислама были предприняты.

Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национального государства. Это предполагало приобщение инородцев к русской государственности и русской цивилиза-

* Маев Николай Александрович – военный востоковед, географ и этнограф. В 1869–1892 гг. редактор главной газеты края «Туркестанские ведомости», редактор сборника «Материалы для статистики Туркестанского края». Участник нескольких географических и этнографических экспедиций.

** Шиизм – возник в VII в. на почве споров о числе имамов и личности последнего из них шиизм раскололся на несколько сект. Шииты не признают суннитских халифов, считая законными преемниками Мухаммеда лишь халифов-имамов Алидов.

Суннизм – наряду с Кораном признает Сунну. При решении вопроса о высшей мусульманской власти опирается на согласие всей общины, в отличие от шиизма, признающего имамами-халифами лишь Алидов.

ции, а в перспективе – их слияние с русскими.

В это же время появляется доктрина ограниченной веротерпимости, допускавшей вероисповедание ислама, но препятствовавшей его распространению и укреплению. Эта идеология начала воплощаться в концепции охранительной политики православного консерватизма.

Наряду с этим в начале XX в. шло реформирование традиционного общественного сознания национальных элит Туркестана. Их называли джадидами, что дословно с арабского можно перевести как сторонники нового метода в просвещении мусульман. Движение это достаточно быстро получило распространение у мусульманских народов России. Новометодникам-джадидам противостояли кадимисты – та часть мусульманской уммы (общины) и духовенства, которая придерживалась более консервативных взглядов не только в сфере образования, но и в целом изменения жизненного уклада мусульман Туркестана.

К 1913 г. в Туркестане насчитывалось 6022 мактаба из 9723 имевшихся в империи, 445 медресе из 1064 действовавших по стране⁴.

Персидская и младотурецкая революции первого десятилетия XX в. усилили интерес российского правительства к оппозиционному мусульманскому движению. Одним из направлений национальной политики стала борьба с панисламизмом и пантюркизмом, под которыми в России понималось всякое проявление культурно-политического самосознания мусульман. В приверженности панисламизму обвинялись прежде всего представители мусульманской интеллигенции.

Нельзя не отметить тот факт, что после младотурецкой революции в политическом сознании российских (в том числе туркестанских) мусульман действи-

тельно наметилась сильная протурецкая ориентация, которая серьезно беспокоила правительство. Поэтому в целом комплексе вопросов Османская империя воспринималась мусульманами России как ориентир, к которому нужно стремиться.

При всей первостепенной роли ислама думается, что дело не только в религии, но и в менталитете.

На практике чужой менталитет, традиции, обычаи, приоритеты вызывают нередко хотя бы подспудную негативную реакцию. Поэтому в туркестанском обществе существовало где открытое, где латентное недовольство государственной национальной политикой России.

После завоевания Туркестана Россия гарантировала коренным народам освобождение от воинской повинности и достаточно долго свое обещание сдерживала.

С одной стороны, эта была привилегия, носившая характер «монаршей милости», а другой – вполне оправданная политическая мера, поскольку мусульманское население недавно присоединенной к России огромной территории не могло считаться достаточно благонадежным. Кроме того, мобилизационных ресурсов европейской части страны было вполне достаточно.

Население Туркестана не платило военного налога. Вопрос о взимании последнего правительство рассматривало на протяжении нескольких десятилетий, решившись на его введение только 1 января 1915 г.

Полувековое присутствие в крае обошлось России в более чем 150 млн руб. Это без расходов на железнодорожное строительство, которое стоило метрополии 164 млн руб.

Ежегодно правительство доплачивало краю порядка 3,5 млн руб. на «текущие» расходы.

Первую прибыль казне в 1 млн руб. Туркестан дал в 1909 г.⁵ Это составляло 1/136 часть от всех доходов, полученных государством.

Иными словами, Туркестан не участвовал наравне с другими регионами России в общегосударственных расходах и погашении государственных долгов⁸. Это можно объяснить либеральной политикой правительства, не желавшего «обижать» мусульманское население края.

С другой стороны, при расчете налогового дефицита по Туркестану нельзя не учитывать экономии от снятия дорогих военных линий в Оренбургских и Уральских степях (за 28 лет они стоили бы 165 млн руб., и, если сравнить с приведенными выше цифрами, эти деньги покрывали расходы по железнодорожному строительству), от упразднения Оренбургского военного округа и Оренбургского генерал-губернаторства, наконец, прибылей от расширения внутреннего российского рынка и появления в значительных размерах собственного хлопка. Если все это посчитать, то оказалось бы, что присоединение не только не ввергло Россию в убыток, но принесло доходы².

Конечно, от Туркестана ждали большей доходности. Отрицать это не имеет смысла. В противном случае все усилия, по освоению новой территории, в том числе финансовые, выглядели бы бессмысленно.

На этом фоне тезис о том, что «царизм настойчиво проводил нещадную эксплуатацию природных богатств края, превращая Туркестан в сырьевой придаток империи»⁷, имеет как минимум одно уязвимое место.

Прежде, чем начать «нещадную эксплуатацию», Россия вложила значительные средства в создание местной промышленности и инфраструктуры.

С началом Первой мировой войны за период с 1914 г. по 1916 г., поземельный налог в Туркестане увеличился более чем в 2 раза и достиг 14 311 771 руб., промысловый налог повысился с 1 149 676 руб. до 2 838 240 руб. Кроме того, правительство установило дополнительный военный налог на хлопок в размере 2 руб. 50 коп. за пуд хлопка-волокна⁸.

С 1913 по 1915 г. доходы казны в Туркестане, включая поземельный и промысловый налог, таможенные сборы и т.д., увеличились на 66%⁹.

Такое резкое повышение налогов по отношению к политике, которую можно охарактеризовать как «политику наибольшего благоприятствования», не могло не вызвать недовольства населения*.

Война ухудшила социально-экономическое положение в крае, сопровождавшееся снижением уровня жизни населения.

Одновременно развернулась активная деятельность многочисленных российских уполномоченных по заготовке сырья, продовольствия, фуража, топлива для промышленности и армии. На военные нужды у населения реквизировался рабочий и вьючный скот, повозки, юрты, кошмы.

Только из Сырдарьинской и Семиреченской областей в 1914 г. было вывезено 1 млн голов овец.

В 1916 г. вследствие сокращения поставок зерна дефицит хлеба составил в Туркестане 22 млн пудов¹¹.

В 1915–1916 гг. при значительном повышении цен на зерно, рис, сахар и другие продукты были установлены твердые заниженные цены на хлопок; процветала спекуляция; на почве дороговизны во многих местах вспыхивали стихийные волнения и акции протеста.

Как с тревогой констатировалось в одном из секретных донесений жандар-

* Налоги были увеличены не только в Туркестане. Например, в Закавказье законом от 24 декабря 1914 г. земельный налог был увеличен на 50%, а с 1915 г. была увеличена рента с государственных земель, находившихся в постоянном пользовании крестьян¹⁰.

мского управления тех лет, «нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возбуждение».

В то же время порочная практика изъятия земель у коренных жителей края для создания русских поселений продолжалась¹¹.

С началом Первой мировой войны в Туркестан начинают отправлять военнопленных.

Первая партия пленных прибыла в сентябре 1914 г.

К июню 1915 г. их численность превысила 148 тыс.¹² К марту 1916 г. общее число военнопленных в крае достигло 200 тыс.¹² Их количество стало превышать количество населения городов, в которых они размещались.

Краевая администрация была этим крайне обеспокоена, считая, что в случае каких-либо беспорядков это усугубит ситуацию.

Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев (с июля 1915 г.), которых к 1916 г. насчитывалось до 70 тыс., привело к продовольственному и жилищному кризису¹².

В 1914 г. состав высшей администрации в крае значительно изменился. Ге-

нерал-губернатор генерал А.В.Самсонов в момент объявления войны находился в отпуске. В Ташкент он больше не вернулся и получил назначение на должность командующего армией на Западном фронте.

Его помощник генерал от инфантерии В.Е.Флуг последовал за ним.

На фронт также были направлены начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Л.В.Леш, военный губернатор Самаркандской области генерал-майор И.З.Одешелидзе.

Ушли на фронт и кадровые части ТуркВО.

Новым генерал-губернатором края в 1914 г. был назначен генерал от инфантерии Ф.В.Мартсон, которому шел 62-й год и который был серьезно болен. На своих должностях остались уже отошедшие от строевой службы военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Семиреченской областей – генерал-лейтенанты А.С.Галкин, А.И.Гиппиус и М.А.Фольбаум, многие годы прослужившие в крае.

Эти кадровые изменения также сказались на принятии административных решений и дальнейшем развитии ситуации.

«Турецкий след»

Национальный и религиозный вопросы для Российского государства всегда были непростыми и злободневными.

В первые десятилетия XX в. проблемы конфессиональной и этнической принадлежности стали одним из ключевых факторов противоречивого отношения народов России к выбору внешнеполитического курса империи.

Еще в начале 1910 г. министерство иностранных дел России стало получать сведения о готовящемся в Османской империи плане по сбору средств на усиление армии и флота. План содержал обращение к российским мусульманам

оказать турецкой армии посильную материальную помощь. Это не могло не насторожить официальные власти. Подавляющее большинство мусульман России проживало в недавно завоеванных, а потому не вполне благонадежных окраинах империи.

В этих условиях руководство МИД и МВД с большой долей вероятности полагало, что в случае военного столкновения с Османской империей приверженцы ислама в России встанут на сторону «братьев-мусульман», и отсюда – требование установить самый тщательный контроль за перемещением по территории России лиц, имеющих турецкое подданство.

В секретном циркуляре военного губернатора Ферганской области, разосланном уездным начальникам и полицмейстерам, выражалась глубокая обеспокоенность ситуацией и, в частности, говорилось: «Считаю еще раз необходимым подтвердить вопрос о необходимости зорко следить за настроениями туземного населения в нынешнее тревожное время, и в случае появления среди него агитаторов с целью возбуждения населения против правительства немедленно мне об этом доносить, принимая в то же время надлежащие законные меры...»¹¹

В августе 1910 г. дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе в секретном сообщении информировал Туркестанское районное охранное отделение, что по сведениям, имеющимся в МИД России, замечается усиленная панисламистская деятельность младотурок в отношении многочисленного мусульманского населения империи, а именно: в Россию под видом купцов и паломников посланы опытные турецкие эмиссары. В министерстве не без оснований полагали, что определенная их часть устремится в Туркестан, поэтому и просили установить самый тщательный надзор за всеми подозрительными иностранцами¹¹.

Власти на местах тоже реагировали на ситуацию.

Туркестанский генерал-губернатор А.В.Самсонов и районное охранное отделение, ссылаясь на текущие события на Балканском полуострове, которые турецкой стороной расценивались как джихад – «священная война против неверных», настаивали на строжайшем контроле со стороны военных губернаторов областей края за турецкими шпионами и сочувствующими Османской империи.

«Сочувствие» имело весьма конкретный, материальный характер.

Так, в Закаспийской области Туркестана был известен случай сбора денег в пользу «Красного Полумесяца», разрешенный(!) начальником Красноводского уезда. Сбор денег был прекращен по распоряжению начальника области, а собранные деньги сданы в местное казначейство¹¹.

Мусульманские печатные издания в России выпускали специальные номера, где открыто публиковали фамилии жертвователей в пользу раненых турецких солдат.

Более того, на фоне разгоравшегося Балканского конфликта (1913 г.) среди российских мусульман все сильнее обсуждался вопрос о якобы предстоящей войне России с Китаем. При этом турецкие эмиссары в случае действительного начала такой войны вполне могли вести агитацию за объединение мусульманских народов и их отделение от России с планированием нападения на нее в союзе с Японией и Китаем¹¹.

Такая ситуация была закономерным следствием непродуманной и нескординированной национальной политики. Большинство российских мусульман ощущали себя гражданами второго сорта.

В 1914 г. в соответствии с планом военных действий, разработанным в начале войны, задача турецких войск заключалась в том, чтобы, ведя наступательную войну против России, войти в соприкосновение с ее мусульманским населением.

Операции на Кавказском направлении преследовали цель реализации одновременно и панисламистских, и пантюркистских идей на Кавказе, в Поволжье и Средней Азии. Наступление турецкой армии должно было быть поддержано организацией в русском тылу восстаний, волнений, диверсионных актов и т.п.¹³

Имелись сведения, что так называемым «мусульманским комитетом» из Тифлиса рассылались прокламации на турецком языке, направленные против России и призывающие мусульман объединиться и «кровью защитить ислам, дабы не дать христианам восторжествовать и уничтожить мусульманство»¹¹.

Германия и Порты накануне и во время Первой мировой войны были крайне заинтересованы в нагнетании внутриполитической обстановки в России всеми доступными им средствами. Самый эффективный способ – спекуляции на

имеющейся в России религиозной и национальной нетерпимости. Однако простые мусульмане империи не всегда были в состоянии воспринять идеологические установки, активно внедряемые германо-турецкой пропагандой.

В Османской империи признавали, что одной из главных причин медленного распространения панисламизма в России является «малая культурность низших слоев мусульманского населения, невежество их духовенства и существующая между мусульманскими сектами религиозная ненависть»¹¹.

Поэтому было решено разделить панисламизм как движение на две части: на политический и религиозный и на-

чать вести дело на фоне религиозного объединения мусульман, обратив особое внимание на развитие фанатизма в народных массах и поднятие их культурного уровня, «возложив обязанности по пропаганде панисламистских идей в России на избранных местных мусульман, сочувствующих этим идеям»¹¹.

Этими «местными мусульманами» стали татары-джадиды. И если турецкими агентами в основном пугали, то следы влияния поволжских татар в Туркестане были вполне очевидны. При этом мусульмане-татары были, несомненно, ближе и понятнее коренному населению Туркестана, чем младотурки.

Призыв на тыловые работы

Уже к концу 1915 г. в Центральной России стали заметны признаки нехватки людских ресурсов.

15 января 1916 г. постановлением Совета министров было образовано междудепартаментное совещание по вопросу о применении на территории России труда корейских и китайских подданных.

Были утверждены нормативы и принципы, на основании которых иностранцы могли привлекаться для работы на российских предприятиях. Но эта мера не решала проблемы дефицита неквалифицированной рабочей силы. Поэтому правительство приступило к мобилизации на восточных окраинах.

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Целью указа являлось обеспечение рабочей силой оборонных объектов и военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт рус-

ских рабочих за счет замены их коренным населением ряда регионов империи, освобожденных от несения воинской повинности. Стоит отметить, что еще до объявления мобилизации, коренное население Туркестана добровольно вербовалось на работу.

Например, в Аулие-Атинском и Черняевском уездах Сырдарьинской области военно-инженерной организацией на тыловые работы было набрано около 10 тыс. чел.¹⁶

За отбывание трудовой повинности в рамках указа от 25 июня 1916 г. рабочие должны были получать денежное вознаграждение и находиться на полном обеспечении государства. В первую очередь мобилизации подлежало мужское население в возрасте от 19 до 31 года включительно.

Для сельского населения это означало потерю основной части работников в разгар полевых работ на хлопковых полях.

В Туркестане мобилизация была начата 29 июня 1916 г.

По наряду край должен был направить на тыловые работы порядка 250 тыс. чел. Но уже 2 июля 1916 г. на совещании, состоявшемся у временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р.Ерофеева, с участием Сырдарьинского, Ферганского и Самаркандского военных

губернаторов краевая администрация пришла к единодушному выводу: наряд необходимо уменьшить, хотя бы до 200 тыс.¹⁴

Совещание возложило практическую реализацию указа на низовую администрацию из числа коренного населения и выразило полную уверенность в том, что беспорядков удастся избежать.

Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.И.Гипшиус возразил против организации мобилизации рабочих силами волостной и сельской администраций, считая ее крайне ненадежной, и не сомневался, что, выгораживая от призыва имущие категории населения, низовая администрация постарается всю тяжесть призыва переложить на бедняков. Это обстоятельство могло привести к массовым возмущениям.

Как оказалось, военный губернатор Ферганской области не преувеличивал проблемы.

Сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, восприняли императорский указ по-своему.

Восстание в Туркестане**

Первым проявлением восстания в 1916 г., вылившимся в расправы с чинами местной и русской администра-

Судя по всему, именно они стали распространять слухи, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для заселения освободившихся земель русскими¹⁵. Поэтому население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы как отказ со стороны русского правительства от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав*.

Вскоре стали очевидны нарушения и злоупотребления, допускаемые при мобилизации представителями местной низовой администрации, нередко использовавших мобилизацию для наживы.

Сыновья богатых откупались, а бедняки лишались единственных кормильцев.

Последствия не замедлили сказаться: спустя несколько дней на огромной территории Туркестана, а затем Степного края разгорелось массовое восстание, реально угрожавшее как социально-политическому спокойствию на азиатских рубежах империи, так и ее экономическому могуществу.

ции, стали события 3–4 июля в г. Ходженте. 4 июля 1916 г. городская беднота и дехкане (крестьяне) Ходжента собра-

* После принятия в 1865 г. нового «Устава о воинской повинности», среди мусульман Поволжья стали распространяться «нелепые слухи» о принудительном крещении при призыве на воинскую службу, что вызвало серьезные волнения.

Эти слухи были инспирированы агентурой Османской империи в целях срыва воинских призывов и даже возникла угроза массовой эмиграции поволжских мусульман в Турцию. Это мнение сформировалось на основании донесений местных властей и ему придавалось серьезное политическое значение¹⁹.

** Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области управлялись на основании Положения 1886 г. Семиреченская и Закаспийская области административно в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошли позже из Степного края и Кавказского наместничества, соответственно. В Семиреченской области действовало временное Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областями, а в Закаспии – временное Положение об управлении Закаспийской областью. Поэтому Самаркандскую, Сырдарьинскую и Ферганскую области называли «коренными областями» Туркестана. Новое Положение об управлении, единое для всех пяти областей, работы по созданию которого велись с конца XIX в., должно было нивелировать различия в управлении.

лись на демонстрацию против набора на тыловые работы.

6 июля начальник Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО) полковник Д.В.Волков докладывал директору Департамента полиции, что в крае распространились слухи о призыве в войска, тревожащие население.

«Видимо, для разъяснения слухов, – писал Волков, – толпа сартов (так в конце XIX в. – начале XX в. называли оседлое, преимущественно городское население Туркестана. – Авт.) с женщинами в Ходжете подошла к полицейскому управлению. Требования полиции разойтись они не исполнили, полиция употребила оружие, убито три сарта, ранено три и одна женщина»¹⁷. Власти объявили город на военном положении.

В Ташкенте, столице Туркестанского края, восстание вспыхнуло одним из первых. Волнения в городе начались сразу же после обнародования указа.

Первоначально было объявлено, что город должен поставить около 7 тыс. чел. На самом же деле наряд по набору составлял 12 600 чел.¹⁸ Сведения о значительном увеличении набора еще больше усилили возмущение¹⁹.

7 июля начальник Ташкента вызвал в Шейхантаурскую мечеть всех имамов и пятидесятников, объявил им указ и обязал оказать помощь в организации набора¹⁹.

11 июля 1916 г. в полицейском управлении туземной части Ташкента (все города Туркестана были поделены на «новую», то есть «русскую», и «старую», «коренную» части) должны были собраться все пятидесятники для приведения в исполнение распоряжения правительства. Ранее означенного времени на дороге около полицейского управления собралась толпа женщин. К ним стали присоединяться мужчины...

Полицейстер города Н.Е.Колесников дальнейший ход событий в своих показаниях обрисовал следующим образом: «Подъехав к управлению, я видел, что вся решетка около сада сломана, во дворе масса народа, около двух-трех тысяч. Я с казаками пробрался к управлению, пробовал говорить, убеждал толпу, но слушать никто не хотел. Я обратился к казакам, чтобы они оттеснили толпу от здания нагайками, но вскоре нагайки у них были вырваны. Я видел, что один сарт вооружился шашкой и бросается на

меня. Угроза револьвером не подействовала, и сарт двигался на меня с поднятой шашкой. На расстоянии двух шагов я убил его наповал. Дальше я должен был отказаться увещать толпу»²⁰.

Казачи Колесникова в упор стали стрелять в толпу. Несколько человек из числа восставших были убиты и ранены.

Восставшие порвали телефонные провода и продолжали атаковать здание полицейского управления, где укрылись полицейские и казаки. Им на помощь прибыла рота ташкентской школы прапорщиков, которой удалось разогнать восставших.

Жители города стремились привлечь на свою сторону военнопленных и лиц, настроенных против царизма. Так, 16 июля 1916 г. генерал-губернатор края сообщил военному министру: «<...> Около саперного лагеря близ Ташкента задержан местный туземец, предлагавший добровольцам-сербам, живущим в этом лагере, принять участие в сартовском беспорядке, в котором, по его словам, должны принять участие пленные Ташкента и афганцы»¹⁸. Однако эти попытки не увенчались успехом.

Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля 1916 г. в Джизаке. В нем участвовало несколько тысяч человек.

13 июля в старой части города было объявлено о представлении списков мобилизованных в десятидневный срок, но мобилизация так и не была проведена. Тогда уездный начальник созвал в мечети население и обратился к нему с угрозами. Народ делегировал ишана Назир-ходжу Абдусаламова в Ташкент узнать, как там проходит мобилизация. Вернувшись из Ташкента, Назир-ходжа сообщил, что там набор отложен до 17 июля? и стал призывать население к уничтожению списков.

Восстание охватило весь Туркестан: в 100 местностях Ферганской области, 28 – Самаркандской области, 20 – Сырдарьинской области. Во всех местах, охваченных восстанием, ситуация развивалась примерно одинаково.

Местные власти стали принимать экстренные меры по подавлению очагов восстания. Для наведения порядка были брошены карательные отряды²¹.

На фоне все набравшего силу восстания в официальной переписке между Петербургом и Ташкентом можно встретить за первую половину июля 1916 г. неожиданные, но регулярно повторяющиеся сообщения временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р.Ерофеева: «Во всех местностях края спокойно <...>»¹⁷.

18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении.

Наиболее массовый и в какой-то степени организованный характер под предводительством религиозных лидеров восстание носило в Ходженте и Джизаке – двух бухарских крепостях, оказавших ожесточенное и длительное сопротивление русским войскам во время присоединения Средней Азии. При этом, если бы из мусульманского духовенства сделали государственных чиновников, а именно так правительство поступило в Поволжье и Крыму, ситуация в Туркестане выглядела бы иначе.

Духовные лидеры в Туркестане всегда имели большое количество мюридов-последователей. Достаточно было их письменного или словесного распоряжения «о послушании русским властям» и беспрекословном исполнении указа от 25 июня о поставке рабочих в тыл действующей армии. Если бы такие распоряжения были отданы, то, по мнению сотрудников ТРОО, «все было бы тихо и выступлений не происходило»¹¹.

Учитывая возникшие проблемы, 30 июля 1916 г. был объявлен новый царский указ об отсрочке мобилизации до 15 сентября. В правящих кругах подумывали о полной отмене мобилизации для Туркестана, как это было сделано в отношении Кавказа.

Побоявшись, что эта мера «будет объяснена туземцами не иначе как слабостью русского правительства», в Петрограде решили заняться кадрами и усилить местную администрацию. Во главе ее поставили генерал-адъютанта

А.Н.Куропаткина, командующего Северным фронтом, а в прошлом военного министра России.

23 июля 1916 г. генерал А.Н.Куропаткин написал в своем дневнике: «Вчера у меня сидел генерал Покотило, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создалось серьезное. Власть в плохих руках. Эмиссары Германии работают во всю. Массы пленных избалованы.

Мартсон, и. о. генерал-губернатора, развалился. Сырдарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкошин – слепой. Ферганский – Гиппиус – с гвоздем. Закаспийский – Колмаков – слаб, болен. Семиреченский – Фольбаум – лучше других. Правитель канцелярии Ефремов <...> очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела. Помощник генерал-губернатора Ерофеев очень неподготовлен <...>. Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»²².

Из опыта полумесячной борьбы в крае, предшествовавшей его назначению, А.Н.Куропаткин сделал вывод, что нельзя полагаться только на силу оружия, нужна политика уступок и лавирования, необходимо обновить саму систему управления краем.

Он пишет 29 августа 1916 г. начальнику Управления земледелия и государственного имущества Н.М. Булатову: «К прекращению беспорядков мною ныне приняты соответственные меры <...> Но наряду с вооруженной силой, нужной для предупреждения и пресечения открытого сопротивления или возмущения, необходимы меры и иного характера <...> Русской власти за полувековое владычество в крае не удалось не только сделать инородцев верными слугами Российского императора и преданными гражданами Российского государства, но и вселить в их сознание единство их интересов с интересами русского народа»¹¹.

Далее генерал Куропаткин обращал внимание на следующие моменты: «В этом, думаю, повинны, в известной мере, и несовершенство закона, нормирующего управление Туркестанского края, и приемы управления, и, наконец, мероприятия, издававшиеся для устройства быта местного населения. Действующий

щим законом туземное население поставлено в обособленное положение от коренного населения Империи как в отношении управления и устройства быта, так и в отношении личных прав»¹¹.

Как видно из документа, в очень непростой ситуации генерал Куропаткин достаточно трезво оценивал истинное положение вещей.

Вновь назначенный генерал-губернатор ввел особый порядок, согласно которому количество мобилизуемых рабочих от каждой области, волости и уезда утверждали специально избранные представители от населения.

23 августа приказом Куропаткина были освобождены от набора следующие категории коренного населения:

- должностные лица;
- полицейские чины;
- имамы, муллы и мударисы;
- служащие учреждений мелкого кредита;
- учащиеся в высших и средних учебных заведениях;
- лица, занимающие класные должности в правительственных учреждениях;
- лица, пользующиеся правами дворян, потомственных почетных граждан и личных почетных граждан.

При общении с русским населением Куропаткин пытался всеми доступными ему средствами успокоить его и вернуть в край хотя бы видимость стабильной

жизни, поскольку правительство не справлялось со своей основной задачей – не смогло обеспечить безопасность людей, поселив их на далекой окраине. Недовольству «туземцев» было решено противопоставить непоколебимую мощь Российского государства в Русском Туркестане.

Это чувствуется из выступления генерала Куропаткина (21 августа 1916 г.) перед депутацией от европейского населения Ташкента: «<...> Воля Государя должна быть исполнена. И она будет исполнена во что бы то ни стало (речь идет о мобилизации коренного населения на тыловые работы. – Авт.) <...> Но нельзя допустить, чтобы на этой земле туземцы проливали русскую кровь <...> У меня уже находятся планы земель, где в Джизакском уезде были убиты русские люди, по которым испрашивается отчуждать от туземцев 2000 десятин земли, и я буду о том ходатайствовать... Что касается русского населения, как ранее, так и теперь, я буду заботиться, чтобы среди всех народностей Туркестанского края вы чувствовали себя старшими братьями»¹¹.

По мнению одного из очевидцев, подавлением восстания царское правительство отвело в сторону опасность, угрожавшую сегодня, но не уничтожило ее окончательно, а национально-освободительные идеи после этого «сделались более навязчивыми, чем раньше».

Восстание в Семиречье и Закаспии

Восстание в городах и кишлаках, населенных узбеками и таджиками, длилось относительно недолго, уступив место эпизодическим всплескам насилия. Однако «успокоения» не наступило. В начале августа 1916 г. власти столкнулись с большим по своей силе восстанием среди кочевого (казахского и киргизского) населения в Сырдарьинской и Семиреченской областях Туркестана и Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края.

В Семиречье восстание охватило обширную горную территорию Пишпекского и Пржевальского уездов.

Близ селения Рыбачье был захвачен транспорт с оружием. 170 берданов и 40 тыс. патронов, которые предназначались в г. Пржевальск на вооружение чинов формировавшегося там отряда конного запаса.

В горах были устроены мастерские для выделки холодного оружия, выводились из строя дороги, телеграфные линии и т.д. В Пишпекском уезде взбунтовались 6 волостей, было прервано телеграфное сообщение с Пржевальском.

В верховьях Таласа сосредоточились большие группы восставших, совершавших набеги на русские поселки. В августе в Пишпекском уезде был убит пристав Загорных волостей со своим конвоем.

В Пржевальском уезде восстание началось 9 августа с нападения на село Григорьевку, откуда оно стало распространяться на восток. 11 августа к киргизам присоединились дунгане. Восставшие уничтожили несколько переселенческих поселков. Сообщение с Пржевальским и другими пунктами было прервано до 20 августа.

Согласно сообщениям временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора М.Р.Ерофеева, в Аулиеатинском уезде восставшим киргизам провиантом помогали немецкие колонисты, а в числе мятежников находился турецкий мулла.

В Пржевальском уезде был задержан немецкий шпион. По показаниям пленных, отбитых у восставших, в Пржевальском уезде восстанием якобы руководил турецкий генерал и двое европейцев. В некоторых местностях Семиречья восстанием руководили молодые киргизы, одетые в форму русских учебных заведений¹⁷.

19 августа 1916 г. в телеграмме, направленной в МВД, генерал-адъютант Куропаткин, ссылаясь на донесения военного губернатора Семиречинской области, следующим образом сформулировал причины восстания казахского и киргизского населения:

- объявление реквизиции рабочих;
- деятельность землеотводных партий;
- дороговизна жизни, воспринимаемая населением как слабость власти;
- пропаганда со стороны Китая (Кульджа) под руководством германских агентов;
- вывоз из Семиречья огнестрельного оружия, необходимого на фронте¹⁷.

По данным российского консульства в Кульдже, в уезды Семиречинской области тайным китайским монархическим обществом было послано 6 агентов для организации восстания.

В донесении о жертвах восстания генерал-губернатор Куропаткин сообщает, что по Семиречью со стороны русского населения киргизами было убито 2000 чел. Около 1000, преимуще-

ственно женщин, уведено в плен, сожжено 1300 усадеб, разгромлено 100. По другим сведениям, в одном Пржевальском уезде переселенцев пострадало до 3244 чел., из них убито 1998 чел.²³

Это стало возможным вопреки выводам прежнего генерал-губернатора Туркестана генерала от кавалерии А.В.Самсонова, который за несколько лет до описанных событий (1913 г.) писал в докладе о политической ситуации в крае: «Семиреченские киргизы, в 800-тысячную массу коих вкраплено уже 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично осознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю»²⁴.

Крестьянин селения Токмак Н.Миханков рассказывает в своих воспоминаниях, что в 1915 г. среди киргизов собирались средства для закупки оружия. Для этого было проведено обложение 37 киргизских волостей.

В паломничество в Мекку в это время собирался один из известных манапов*, Дур Соромбаев. Поездка не состоялась из-за того, что русское правительство не выдало заграничного паспорта, поэтому отправить собранные средства предполагалось через Афганистан.

Производилась вербовка людей, знающих военное дело, с целью обучения ему киргизской молодежи²³.

Другой очевидец событий, дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе С.В.Чиркин, так описал восстание: «Беспорядки с исключительной силой проявились в отдельных уездах Семиречья, где киргизы бесчинствовали над беззащитными русскими поселенцами. Дома их сжигались, имущество расхищалось, мужское население беспощадно вырезалось, а женщины и дети уводились в горы, где подвергались всяческому надругательствам <...>»²⁵.

По мнению итальянского исследователя Марко Буттино, оппозиция злосчастному царскому приказу превратилась в кровопролитное противостояние русским особенно там, где уже и до войны сложились конфликтные отношения, то есть в недавно образованных русских посел-

* *Манап* – глава родового объединения.

ках. Здесь складывалась особенно тяжелая ситуация, поскольку рекрутирование мужчин делало села беззащитными перед угрозой со стороны мятежников²⁶.

В стороне от восстания не осталось и население Закаспийской области Туркестана. Основу населения области в основном составляли два крупных племенных союза туркмен: иомуды и текинцы.

Пользовавшаяся большим уважением и авторитетом среди текинцев ханша Гульджамал, выражая полную готовность «исполнить монаршую волю», обратилась к Куропаткину как к бывшему начальнику Закаспийской области с ходатайством посодействовать перед военным министром и императором об отсрочке призыва рабочих до окончания сбора хлопка¹⁷. В итоге текинцы, в отличие от иомудов, подчинились указу о мобилизации рабочих.

Иомуды в основном вели кочевой образ жизни. Среди них были русские и персидские подданные, подданные Хивинского хана и лица, имевшие двойное подданство, кочевавшие по территории России и Персии. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин называл иомудов «наиболее беспокойными и наименее подверженными русскому влиянию» населением.

Центром восстания в Закаспии стал Красноводский уезд. Документы указывают на связь восставших с Персией (оттуда поставлялось оружие и туда же во время восстания бежала значительная часть иомудов).

Восставшие нападали на войсковые части, казачьи пикеты, поджигали русские поселения, нападали на рыбные промыслы.

Русское население пришлось эвакуировать из района восстания туркмен. Иомуды были хорошо вооружены и совершали нападения большими группами. Очевидцы отмечают очень упорный характер восстания в туркменской среде и сильное сопротивление войскам.

Так, 27 сентября 1916 г. между царскими войсками и иомудами произошло сражение за укрепление Ак-Кала на Гургене. Войска применили пулеметы и артиллерию.

Восстание среди туркмен-иомудов продолжалось до конца января 1917 г. (в других районах края восстание было подавлено в конце 1916 г.), когда были ликвидированы их основные силы и сдались руководители¹⁷.

УБАЙДУЛЛА ХОДЖАЕВ. После объявления указа о мобилизации от 25 июня 1916 г. по предложению представителей национальной интеллигенции были созданы и ею возглавлялись комитеты по содействию набору тыловых рабочих. Ташкентский комитет по отправке коренного населения на тыловые работы возглавил Убайдулла Ходжаев, один из известных и влиятельных политических лидеров края.

Вот какую характеристику дает Ходжаеву исполняющий дела военного губернатора Ферганской области полковник П.П.Иванов: «<...>Перед беспорядками (речь идет о восстании 1916 г. – Авт.) Ходжаев создает себе марку панисламиста. После беспорядков едет в Петроград, проникает благодаря газетным связям в думские круги, освещает тенденциозно положение вещей в крае и везет в Туркестан Керенского и Тевкелева, с которыми появляется везде, распуская в народе сведения о том, что он нашел влиятельных защитников туземному населению в Петрограде»¹¹.

Из агентурных донесений ТРОО за сентябрь 1916 г. известно: «<...>10 августа Ходжаев прибыл в Ташкент с Тевкелевым, после чего по Ташкенту и др. городам стали ходить слухи, распускаемые самим Ходжаевым, что он привез населению нового генерал-губернатора и членов Государственной думы, которые устроят все для блага туземного населения»¹¹.

ДЕПУТАТЫ. Действительно, Государственной думой было принято решение направить в край свою комиссию, состоявшую из члена мусульманской фракции Государственной думы К.-М. Б.Тевкелева, а также представителя фракции трудовиков А.Ф.Керенского. Депутаты пробыли в Туркестане немногим более полумесяца (с 15 августа по 2 сентября). Они побывали в ряде городов (Ташкент,

Самарканд, Джизак, Андижан, Коканд) и сельской местности (Ассаке, Тойтубе и др.).

Прежде чем отправиться в Туркестан, А.Ф.Керенский от имени членов Государственной думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева¹¹. В ней, в частности, говорилось, что «экономически изъятие части рабочих, волнения среди остальных в период хлопковой компании грозит гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства»¹¹.

Тевкелев прибыл в Ташкент 15 августа 1916 г. в сопровождении местных джадидов Шакира Мухамедиарова и Мустафы Чокаева, а глава депутации А.Ф.Керенский приехал 17 августа. Керенский (многие годы проведший в Туркестане), несомненно, имел некоторые представления о проблемах края*.

Губернаторам областей и чинам полиции предлагалось не чинить препятствий депутатам при посещении ими некоторых местностей Туркестана и ознакомлении с причинами беспорядков. По документам ТРОО можно восстановить достаточно полную картину пребывания депутатов в Туркестане.

В Андижане и Коканде вокруг депутатов «собирались толпы туземцев, и последние обращались к туземцам с речами, причем приближавшихся к месту сборищ чинов полиции просили удалиться»¹¹.

Докладная записка начальника туркестанской охранки Д.В.Волкова заканчивается следующим выводом: «Принимая во внимание, что член Государственной думы Керенский – председатель тру-

довой фракции – таким путем может пропагандировать среди туземцев идеи, противные задачам государственного управления, и вселять среди туземцев надежды на осуществление их мечтаний националистического характера»¹¹.

Во время пребывания в Андижане Керенский заявил, что постарается устроить для коренного населения все, о чем оно просит. Он просил верить, что и в Туркестане, и в России есть русские люди, которым не безразлична судьба туземного населения, которые не считают туземцев толпой, «с которой все дозволено». И он, Керенский, готов для них работать так же, как и для своего народа¹¹.

За время своего двухдневного пребывания в Андижане депутаты, по приблизительным подсчетам, опросили около 100 чел. Они собрали большой материал, изложенный в форме жалоб, петиций, заявлений и т.п.

Керенский дал интервью корреспонденту газеты «Туркестанский курьер».

Он положительно оценил действия нового генерал-губернатора Куропаткина. На вопрос, что явилось причиной возникновения столь масштабных беспорядков, Керенский ответил, что происшедшие волнения были вызваны неправильным толкованием Высочайшего Указа как самими местными жителями, так и некоторыми представителями государственной власти в крае.

В заключение Керенский высказал твердое убеждение в том, что коренное население края благожелательно и лояльно настроено по отношению к русскому населению. При этом он сослался на совместный банкет 30 августа и увиденное там «проявление единения между европейским и туземным населением, каковой радостный факт ему приятно констатировать, так как только такие отношения без проявления национальной и религиозной розни способны провести край по пути экономического процветания и свободной культурной жизни»²⁸.

* Для поездки в Туркестан фигура А.Ф.Керенского была выбрана не случайно. Его детство и отрочество прошло в Туркестане, поэтому Керенский считался в Думе «экспертом» по туркестанским вопросам. В начале 1889 г. Керенские переезжают из Симбирска в Ташкент, в связи с назначением отца главным инспектором народных училищ края. После окончания гимназии (1899 г.), накануне отъезда в Петербург, директор гимназии Николай Петрович Остроумов так охарактеризовал молодого Александра Керенского: «В развитие природных наклонностей гимназиста Керенского были заложены преобладающие черты – живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики»²⁷.

ОБ ИДЕАЛИЗАЦИИ «НАРОДНЫХ ГЕРОЕВ». 30 августа 1916 г. ташкентская политическая и торговая элита устроила пышный банкет в честь прибывших в край депутатов.

Организатором банкета являлся У.Ходжаев.

На банкете «в небольшой искренней речи» Ходжаев высказал мысль, что беспорядки произошли вследствие неподготовленности населения к отбыванию каких-либо государственных повинностей, с одной стороны, а с другой – были в недостаточной мере осведомлены об истинной цели высочайшего распоряжения.

В сентябре 1916 г. У. Ходжаев подал на имя генерал-губернатора Куропаткина прошение, в котором, в частности, говорилось: «<...> Довожу до вашего сведения, что всем этим лицам (коренному населению. – Авт.) внушается под угрозой ареста мысль, как внушалась она и перед приездом членов Государственной думы, не подавать Вашему Высокопревосходительству никаких заявлений и жалоб на действия администрации»¹¹.

После этого краевая администрация в очередной раз запретила Ходжаеву издавать газету «Садои Туркестан» и проживать в Андижане и Ташкенте.

В документах за февраль 1917 г. содержится информация о намерении Ходжаева обжаловать это решение генерал-губернатора в мусульманской фракции Государственной думы.

«Проживающие в городе Ташкенте сарты прогрессивного направления, – указано в донесениях охраны, – весьма обрадованы разнесшимися слухами о том, что генерал-губернатором объявлено Убайдулле Асадуллаевичу Ходжаеву о восприятии ему жительства в пределах Туркестанского края, причем Ходжаев обязан оставить пределы края тотчас по ликвидации вопроса об отправке рабочих сартов в тыл действующих армий. Вообще туземное население города Ташкента, наконец, убедилось, что названный Ходжаев представляет из себя не защитника интересов сартов, а лицо, стремящееся побольше набить собственный карман за счет слепо доверяющих ему сартов, в чем ему удалось достигнуть весьма благоприятных результатов под предлогом расходов, сопряженных с отправкой рабочих команд»¹¹.

Агент ТРОО отмечает интересную деталь: «<...> Между прочим, Андижанская партия “Таракки парварлар” * снабдила его (Ходжаева. – Авт.) деньгами в количестве 1700 руб. и уполномочила возбудить ходатайство в Государственной думе о назначении сенатской ревизии края, об увеличении прав мусульманских судей, отмене 64-й статьи Положения об управлении Туркестанским краем** и изменении закона о выборах в Государственную думу, в смысле имени Туркестаном своего представителя»¹¹.

Это не единственное упоминание о «добровольных сборах и пожертвованиях».

Осенью 1916 г. в Ташкенте пятидесятники продолжали взыскивать с каж-

* Организация «Таракки парварлар» («Общество равенства или единения и прогресса»), лидером которой являлся Ходжаев, выросла на базе благотворительного общества «Умид» («Надежда»), также организованного Ходжаевым.

** Ст. 64 Положения об управлении Туркестанским краем гласила: «Уездные начальники и Участковые приставы имеют право подвергать туземцев за маловажные проступки ислушание законным распоряжениям властей: первые – аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей, а вторые – аресту не свыше трех дней или взысканию не свыше пяти рублей. Наказания сии налагаются по постановлениям названных лиц, причем копии с постановлений об аресте препровождаются в места заключения, одновременно с подвергаемыми аресту. Денежные средства поступают в особый капитал на усиление средств для устройства мест заключения края». К статье имелось примечание, которое раскрывало понятие «маловажные проступки». Кроме дурного поведения, шума в общественных местах, пьянства, дебоша, оскорбления родителей и т.д., к ним относились «непочтение, грубость и дерзость против лиц, облеченных правительственной или общественной властью».

дого двора от 200 до 500 руб., заявляя, что эти деньги идут на обмундирование и содержание отправляемых рабочих. Такие незаконные поборы тяжелым бременем ложились на население. Люди сомневались в действительности существования подобного распоряжения, но не обращались к властям с жалобой, опасаясь, что их сочтут бунтовщиками.

По имеющимся сведениям, большая часть денег расходовалась не по назначению, а просто прикарманивалась теми же пятидесятниками и другими чинами местной администрации. Шли они и в Ташкентский комитет по набору и отправке тыловиков, в том числе его председателю Убайдулле Ходжаеву и членам комитета якобы «на различные надобности, вызываемые возложенными на них обязанностями»¹¹.

Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что в качестве места постоянного проживания кандидата в депутаты Учредительного собрания, которое указывалось окружной избирательной комиссией, у Ходжаева таковым значится одна из самых дорогих тогда гостиниц Ташкента – «Националь», а у Чокаева – гостиница «Регина». Кроме того, Ходжаев, будучи членом подкомиссии по национальным языкам Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы), не посетил ни одного рабочего заседания.

Согласно донесению ТРОО от 3 января 1917 г., частный поверенный Убайдулла Ходжаев предложил ташкентским сартам свои услуги по защите их интересов как в правительственных кругах, так и в Государственной думе, для чего он был намерен переехать на жительство в Петроград при условии получения им гонорара в размере 6 тыс. руб. в год¹¹.

Исследователям не стоит слишком идеализировать «народных героев» и не следует забывать, что это были крайне амбициозные люди со всеми свойственными человеку страстями и заблуждениями. Очевидно одно: за короткий промежуток времени Ходжаев сделал стремительную карьеру – из подпольного адвоката он превратился во влиятельного политического деятеля, получившего возможность проживать огромные день-

ги. В глазах населения У.Ходжаев стал сановником, и свои прошения теперь они адресовали прямо ему как лицу, по их мнению, облеченному громадной властью.

ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ. Восстание продолжалось, а местные официальные газеты пестрели победными репликациями наподобие: «Туземное мусульманское население <...> с пониманием и готовностью откликнулось на исполнение высочайшего повеления о наборе на тыловые работы»²⁹.

Согласно официальным рапортам Туркестанского генерал-губернатора генерала Куропаткина, первый эшелон рабочих края был отправлен из Ташкента 18 сентября. С 18 сентября 1916 по 5 февраля 1917 г. было отправлено 106 эшелонов (около одной тысячи человек в каждом)¹⁷.

По сообщениям газет, эшелоны с набранными рабочими шли просто один за другим. Но вскоре стали появляться сообщения иного рода, например, о забастовках 10–25 ноября 1916 г. тыловиков-ташкентцев на строительстве Черноморской железной дороги.

В декабре 1916 г. окончательно выяснилась неудача новой мобилизации на тыловые работы. Группа членов Государственной думы обратилась от имени фракций прогрессивистов, кадетов, мусульман и меньшевиков с запросом к председателю Совета министров, министру внутренних дел, юстиции и к военному министру по поводу событий в Туркестане и Степном крае.

Депутаты прямо обвиняли правительство в нарушении основных законов империи, и в частности 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и утверждения Государя-Императора. Возникает вопрос: почему народные избранные не предприняли никаких действенных мер сразу после незаконной, на их взгляд, публикации указа?

Наконец, события в Туркестане стали предметом особого рассмотрения на

пятой сессии Государственной думы четвертого созыва.

Заявление, сделанное А.Ф. Керенским, сводилось к незаконности самого «высочайшего повеления», решение о котором было принято без консультации с местными губернаторами.

Депутаты М.Ю. Джафаров, С.П. Мансырев, по сути, тоже говорили о непродуманной государственной акции.

Дебаты в Государственной думе передают серьезную обеспокоенность за судьбу российских интересов в Туркестане. Разговоры о происках панисламистов и германо-турецких шпионов в этом восстании не нашли в Думе сторонников. По мнению большинства депутатов, они были беспочвенны и вместо помощи уже идущей войне, по сути, был создан новый театр военных действий – Туркестанский фронт.

В министерствах начались внутренние разбирательства.

Так, в докладной записке по Главному штабу от 21 декабря 1916 г. отмечалось, что для ответа на этот запрос необходимо иметь точные данные, насколько справедливы заявления членов Государственной думы о неправильных действиях местной администрации.

Для получения этих сведений копии депутатских запросов были направлены Туркестанскому генерал-губернатору и начальникам штабов Казанского и Омского военных округов с просьбой сообщить свое мнение. К направленным запросам прилагались выдержки из речей Керенского и Джафарова с просьбой сообщить о справедливости выдвинутых обвинений в адрес местной администрации. На основании этих мнений в военном министерстве предполагалось составить проект ответа Государственной думе.

Туркестанской администрации ситуация виделась по-иному.

Управляющий делами канцелярии Туркестанского генерал-губернатора В.Н. Ефремов в своем докладе туркестанскому генерал-губернатору отмечал: «В результате обследования, притом крайне скороспелого и затруднявшегося незнакомством депутатов с бытом и языком

туземцев, и явилась та картина <...> картина односторонняя, а часто и неверным тоном подкрепленная к тому же фактическими данными, которые были подвергнуты неправильному обобщению или не стояли в действительности ни в какой связи с беспорядками, или же совершенно не имели места, и ввиду всего этого получилась картина, совершенно не соответствующая действительности»¹¹.

О ЖЕРТВАХ И СУДАХ. Для усмирения беспорядков летом 1916 г., по официальным данным, части ТуркВО дополнительно были усилены 14 батальонами, 33 сотнями, 42 орудиями и 68 пулеметами³⁰.

Летом-осенью 1916 г. войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 259 чел. Погибло 7 русских и 22 «туземных» чиновника. Больше всего пострадали крестьяне-переселенцы Семиречья: 2325 чел. убито и 1384 пропало без вести²¹.

Итоговые данные по Семиречью позже скорректировали в сторону понижения – 1905 убитых и 1105 пропавших без вести¹⁸.

Согласно официальным данным, представленным Туркестанским генерал-губернаторам Куропаткиным в Совет министров в конце 1916 г., общее число пострадавших русских семей достигло 8 тыс., из которых 6 тыс. потеряли все свое имущество, при этом особенно сильно пострадало население Семиреченской области. Куропаткин просил у правительства для оказания помощи пострадавшим (просьба была удовлетворена) 502 тыс. руб. (около 60 руб. на семью)³¹.

К концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край – казахов, киргизов, дунган и уйгур – составила, по данным российского консульства в Кульдже, около 100 тыс. чел. По пути своего бегства мятежники сжигали все русские деревни, вытапывали поля, угоняли скот. Всего в Китай ушло более 300 тыс. чел.³².

В донесении директору Департамента полиции начальник Туркестанского районного охранного отделения 15 января 1917 г. отмечал: «<...> Приходится констатировать тот факт, что суд в большинстве случаев вынес обвинительные приговоры с осуждением целого ряда туземцев к смертной казни, но в конечном результате все приговоры на основании существующих на сей предмет правил были представле-

ны командующему войсками генерал-адъютанту Куропаткину на конфирмацию, и в большинстве случаев смертная казнь была заменена иными, более легкими наказаниями до ареста включительно. <...> Неутверждение смертных приговоров рассматривается туземным населением как страх перед ними и объясняется боязнью их раздражать¹¹.

Судебные процессы продолжались в крае до конца февраля 1917 г. По одним данным, суду было предано 3 тыс. чел., 1588 из них были казнены или осуждены на разные сроки тюремного отбывания, по другим – было арестовано более 3 тыс. чел., из них около 350 были приговорены к смертной казни (приговор был утвержден и приведен в исполнение для 51 чел.), другие отправлены в ссылку¹².

«Таким образом, – делал вывод начальник ТРОО, – в конечном результате оказалось, что многие главари <...> восстания уже ныне находятся на свободе, причем население при освобождении их из-под стражи и возвращении домой встречало их весьма торжественно, что не только отмечено агентурой, но даже чины полиции обращают на это внимание. <...> Возвращение подобных лиц в среду кочного туземного населения Туркестанского края, враждебно настроенного против русских вообще и, в частности, против русского владычества в крае, является весьма нежелательным и опасным, тем более подобные лица рассматриваются туземным населением как герои, борцы за свободу народа, и население, несомненно, вновь может подпасть под их влияние и совершить новые попытки к выходу из повиновения»¹¹.

Начальник Туркестанского районного охранного отделения оказался прав. Русское население Туркестана, несмотря на заверение Временного правительства, с опасением и недоверием встретило амнистированных участников восстания.

В результате восстания арестованы и осуждены судом были и представители русского населения края.

От осужденных и находящихся под следствием, а также их родственникам на имя Туркестанского генерал-губернатора поступали много-

численные ходатайства с требованием для них полной амнистии: «Мы же, крестьяне, <...> совершившие преступления одни в запальчивости, другие в молодости и по неведению, также лишившиеся от киргиз всего имущества томимся в тюрьмах <...>»¹⁷.

Генерал-губернатором Куропаткиным в адрес Временного правительства была направлена телеграмм «о желательности амнистии проживающим в крае русским уроженцам». Обсудив эту телеграмму, Временное правительство поручило Туркестанскому генерал-губернатору разъяснить населению, что те русские, которые совершили во время восстания преступные действия против коренного населения, подлежат амнистии на равных основаниях с последними¹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. После восстания на тыловые работы из Туркестана было мобилизовано около 123 тыс. чел. При этом мобилизованные рабочие, отправленные из Туркестана еще до начала Февральской революции, не успев доехать до места, застревали на железнодорожных перегонах в Пензе, Сызрани, Самаре и других городах. Новые власти не знали, что с ними делать, но и вернуть их обратно домой не решались.

О мобилизованных не забывали дома, и окончательного «успокоения» в крае не наступило.

Начальник ТРОО 15 января 1917 г. докладывал начальнику Департамента полиции: «Признаки возможности новых беспорядков в Фергане налицо. Население упорно продолжает думать, что туземцы, отправленные в тыл действующих армий в качестве рабочих, должны возвратиться домой через три месяца, а так как со дня отправки некоторых эшелонов рабочих уже прошло более трех месяцев, то в Ферганской области были случаи, когда женщины с детьми являлись к чинам полиции и предъявляли требования о возвращении мужей с работ, грозя бросить своих детей, которых якобы они не в состоянии прокормить»¹¹.

Возвращение тыловых рабочих из прифронтовых районов в Туркестан началось после прихода к власти Временного правительства. В первую очередь это касалось хлопкосеющих районов края.

Так, на заседании Временного правительства 9 марта 1917 г., среди прочих представлений министра земледелия был вынесен вопрос «О возвращении с фронта на места сартов Ферганской области для производства работ по культуре хлопка».

В результате обсуждения последовало следующее решение: «Признать вопрос о возвращении с фронта на места сартов Ферганской области, не требующим в данное время каких-либо распоряжений как вследствие невозможности при современной загруженности железных дорог обратной с фронта перевозки сартов, так и ввиду последовавшего уже прекращения дальнейшей их отправки на фронт»¹.

В тот же день министром юстиции А.Ф.Керенским был инициирован к обсуждению вопрос

«О приостановлении призыва инородцев и об образовании Особой комиссии для выработки нового порядка управления Туркестанским краем»¹.

Спустя полтора месяца (24 апреля 1917 г.), по представлению министерства торговли и промышленности, Временное правительство вновь вернулось к вопросу о возвращении на родину реквизированных сартов, независимо от общего решения вопроса о возврате прочих «инородцев».

На этот раз Временное правительство постановило «принять меры к возвращению сартов на родину», а министру путей сообщения «озаботиться скорейшей, с соблюдением должной постепенности, перевозкой упомянутых сартов»¹. Официальная реализация этих мероприятий началась в мае 1917 г., хотя многие явочным порядком возвращались в Туркестан с марта 1917 г.

Несколько слов об историографии

Чем же являлось восстание 1916 г. в Туркестане: ответной реакцией на ошибку власти, принявшей непопулярное решение и проведенное непопулярными мерами, или «исторической закономерностью»?

Был ли процесс спонтанным или кем-то планировался заранее?

В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий писал: «Начавшееся же небольшое брожение среди сартов в Туркестане, ввиду дошедших до меня слухов о наборе, также в этот период было улажено путем моего (за министра) проекта в Совет министров против срочно проводимого военным министерством закона о наборе кочевников вопреки привилегий, данных им грамотами при присоединении их. Впоследствии это уже вылилось в крупные беспорядки в Туркестане, когда военное ведомство настояло на своей мере»³³.

Министр внутренних дел А.Д.Протопопов с сентября 1916 г. до Февральской революции в

показаниях комиссии говорил: «Призыв инородческого населения <...> привел к бунту, ибо проведен был без согласования с особыми условиями быта народов того края»³³. Бывший военный министр генерал Д.С.Шуваев также говорил об ошибке.

Чиновник министерства земледелия в Туркестане А.А.Татищев считал восстание одной из печальных страниц русского господства в Туркестане, которого вполне можно было избежать. Ошибка, по мнению Татищева, заключалась в спешном проведении мобилизации без серьезной разработки вопроса, без согласования его с туркестанской администрацией. Возможно, предполагает Татищев, этой административной ошибкой умело воспользовались «турецкие агенты». Для них указ создавал благоприятную почву для активизации антирусской пропаганды³⁴.

Вообще версия «административной ошибки» наиболее характерна для представителей власти. Но чьей именно? Туркестанская администрация обвиняла власть центральную, центральная – администрацию краевую.

Годы спустя Татищев, очевидец восстания, напишет в воспоминаниях: «Трудно ответить на вопрос: снискали ли мы любовь местного населения. Должен признаться, что человек, всю жизнь проведший в крае и, казалось, хорошо его знавший, Н.П.Остроумов, директор учительской семинарии, подготавливавшей преподавателей так называемых русско-туземных училищ, говорил мне, что и дня не остался бы в крае, если бы из него вывели войска. Думаю, однако, что он не совсем прав: во время войны гарнизоны Туркестана были ослаблены очень заметно, но... восстание... было, во-первых, местным, а главное, вызвано нашей административной ошибкой...» Татищев отмечает, что в самый разгар событий он совершил служебную поездку по Семиречью, практически не заметив никаких волнений³⁴.

С.В.Чиркин, как представитель МИД, был больше склонен к системному анализу: «Освобожденные со времени занятия русскими края от военной службы туземцы, подстрекаемые духовенством, не усвоив сущности принимаемых правительством ввиду тяжелых условий войны чрезвычайных мер и отстаивая свои, казалось им, незыблемые привилегии, подняли бунт в тех местах, где или непродуманность и крутость администрации и влияние мулл оказались особенно чувствительны, или местные условия, вследствие недостатка путей сообщения, были особенно благоприятны»³⁵.

Один из крупных политических деятелей Туркестана, очевидец и участник событий Т.Рыскулов, уже в советское время, давая оценку восстанию, отметит: «В народных массах "инородцев" постепенно нарождалась надежда, воспользовавшись благоприятной ситуацией (большая часть русских войск, расквартированных в Туркестане, была отправлена на фронт. – Авт.) <...> свергнуть гнет царской колониальной власти»³⁵.

В телеграммах от различных мусульманских обществ Туркестана, которые в большом количестве поступали министру юстиции, военному министру, председателю Государственной думы, руководству мусульманской фракции уже после прихода к власти Временного правительства, отмечалось, что беспорядки явились следствием «преступной бездеятельности и вызывающими приемами агентов старой власти», «беспорядочного к нам обращения старого пра-

вительства, поддерживавшего между нами национальную рознь», «национальной неприязни русского населения с киргизами поддерживавшейся при старом правительстве и явившейся результатом беспорядочного к нам отношения местной администрации»¹⁷, и т.п.

При сопоставительном анализе этих телеграмм легко прослеживается некий шаблонный текст, легший в их основу, хотя отправителями были мусульманские общины различных уездов Семиреченской области.

По мнению П.Г.Галузо, «слабые зачатки национально-освободительного движения» в предвоенные годы не шли ни в какое сравнение с регулярными войсками и «ополчением» из числа русских крестьян. И только то, что значительная часть винтовок была отправлена на фронт, предотвратило в 1916 г. широкую киргизо-русскую бойню.

По мнению Е.Сыдыкова, поводы для восстания у нерусских народов Российской империи находились всегда, однако их причины и движущие стимулы изменялись вместе с политической и экономической обстановкой в метрополии. К началу века национально-освободительное движение по «исламскому пою» империи обуславливалось рядом причин как объективного, так и субъективного порядка:

– *во-первых*, к этому времени у мусульманских народов уже сформировался (пусть и в незначительном количестве) средний класс, который был недоволен положением ущемленного меньшинства;

– *во-вторых*, среди мусульман России значительно возросла политическая активность;

– *в-третьих*, нарастающая угроза в связи с массовой переселенческой политикой по превращению автохтонного населения в национальное меньшинство стимулировало протест и агрессивность даже самых деполитизированных групп;

– в четвертых, активизация борьбы за гражданские права и представительство в центральных и региональных органах управления становятся реальностью того времени³⁶.

И ранее и сейчас восстание многим представляется неожиданным, спонтанным, стихийным и т.п. Как считает ряд историков, особенно в независимых государствах Центральной Азии, в восстании 1916 г. проявилось формирование национальной идеи или идеи национальной независимости.

Авторы современного академического издания «История Казахстана» пишут, что «постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер, перерастая в вооруженное восстание», которое было направлено:

– против военно-колониаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма;

– против феодально-байской верхушки (в определенной степени);

– против империалистической войны (в этом плане оно смыкалось с революционной борьбой в Центральной России)³⁷.

Из этого следует, что восстание было направлено против всего и всех! Но побудительной причиной восстания, прокатившегося по всему Туркестану, стала отправка местного населения на тыловые работы...

В результате восстания 1916 г. значительная часть казахов и киргизов бежала через Боомское ущелье в Китай. Многие из них погибли по пути от голода и холода. Сегодня в Киргизии день 7 августа отмечают как День памяти жертв трагических событий августа–сентября 1916 г. Его называют уркун – «массовое

бегство», «исход», считая события в Боомском ущелье «гуманитарной катастрофой киргизов».

На основании данных дореволюционной и советской статистики утверждается, что: «<...> в 1913 г. на территории современного Киргизстана проживало 864 тыс. чел., а киргизов – около 650 тыс. По переписи населения 1926 г. киргизов оказалось 668,7 тыс., то есть нулевой прирост численности за 13 лет, что было результатом жестокого подавления восстания 1916 г. и бегства в Китай; низкого темпа роста численности киргизов из-за гибели в годы басмачества; нищеты, широко распространенных болезней, голода – извечных спутников кочевых и полукочевых колониальных народов»³⁸.

К цифрам, приводимым дореволюционной статистикой в части определения национальной принадлежности того или иного народа, необходимо относиться с осторожностью. Поэтому трудно из 864 тыс. казахско-киргизского населения, воспринимавшегося в дореволюционной русской этнографии, а значит и статистикой, как один народ, вычленил 650 тыс. именно «киргизского»*.

Теперь о причинах «нулевого прироста численности» киргизов за 13 лет. Потери в результате подавления восстания 1916 г. и вызванной им миграции в Китай сомнений не вызывают. Годы Гражданской войны и басмаческого движения – тоже. А вот нищета, болезни и голод были «извечными спутниками» не только «кочевых и полукочевых колониальных народов», а подавляющего большинства населения (в том числе русского) всей Российской империи.

* Первоначально, в 20-х годах, в рамках национального размежевания Средней Азии была образована Кара-Киргизская автономная область, в 1925 г. переименованная в Киргизскую.

Авторы коллективной российско-узбекской монографии «Россия – Средняя Азия» в разделе, посвященном борьбе Петербурга и Стамбула за влияние в Центральной Азии, в качестве повода восстания 1916 г. реанимируют версию советского историка и этнографа А.В. Станишевского (псевдоним Азиз Ниалло).

Указ от 25 июня был обнародован 2 июля 1916 г., в момент получения известия о поражении корпуса генерала Н.Н. Баратова в Персии. Германо-турецкие войска вынудили русскую армию начать отступление в районе Керманшаха.

Известие о неудаче на «мусульманской территории» подорвало престиж царской армии в глазах жителей края. Начались разговоры о том, что скоро турки появятся в Туркестане в роли освободителей местных мусульман. «Все это, – по мнению авторов, – вылилось в знаменитое восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

Загнанные вовнутрь волнения продолжались и подогревались извне вплоть до Российской революции 1917 г.»³⁹.

Современные российские военные историки считают, что ситуацию, сложившуюся в районе Керманшаха, нельзя считать поражением, тем более такого масштаба, которое позволило бы стать ему столь резонансным.

Действительно, генерал Баратов решил не оборонять Керманшах и приказал в ночь с 17 на 18 июня 1916 г. оставить город. Что же касается турецких войск, то они к этому времени прекратили наступление и перешли к обороне. Турецкое командование было в состоянии вести борьбу против пехоты корпуса Баратова, но оно опасалось огромного превосходства числа русских кавалерийских частей и нехватку боеприпасов у турецкой артиллерии.

Существовали ли в 1916 г. единство интересов представителей всех коренных народов Туркестана?

Чтобы провести национальное размежевание в 20-е годы, необходимо было наличие государственности, основу которой составляет титульная нация, а ее не было ни у одного из коренных народов Средней Азии (узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, таджики). Кроме того, среди лозунгов восстания не было лозунгов, призывавших к интеграции народов Туркестана и Степного края.

Отсутствие единства подтверждают документы, как предшествующие восстанию, так и 20-х годов.

Вот выдержка из доклада секретаря ЦИК РКП(б) Я.Э. Рудзутака (с 1922 г. председателя Средазбюро ЦК) на Пленуме ЦК РКП(б) о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик от 26 октября 1924 г.: «До сих пор не было ни одного съезда и ни одного вопроса, практического и политического, которые обсуждались там без национальных трений. Правда, они очень часто выплывают под чисто деловым соусом, под деловой оболочкой. Если обсуждался, например, вопрос о государственном бюджете, тогда вставали такие невинные вопросы: нужно ли тратить больше денег на восстановление хозяйства киргизского оседлого населения в Семиреченской, теперешней Джетысуйской, области, или дать больше денег на закупку инвентаря в Ферганской, Самаркандской областях? Вопросы чисто экономического порядка, но они имели национальную подкладку, поскольку землеустроительные работы касались киргиз, а вопрос об инвентаре касался узбеков»⁴⁰.

А вот строки из письма Таджикского обкома И.В. Сталину от 1925 г.: «<...> Уже давно таджики занимают в Средней Азии положение угнетенной народности. Таджикских школ (особенно новометодных) там не было, и огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большой охотой и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называет себя узбеками»⁴⁰.

Как отмечает А.В. Ганина: «Только осознание себя частью большого единого целого, для народов Туркестана <...> являлось государственнической пози-

цией и соответствовало интересам России. Как видно, в 1916 г. такое мироощущение отсутствовало. Немалая вина за это лежала не только на коренном населении, но и на русской администрации и переселенцах.

В советское время для привития подобного “правильного” взгляда было сделано много, однако последующие события продемонстрировали, что такая самоидентификация являлась лишь внешней»⁴¹.

Вместо заключения

В начале XX в. в Туркестане Россия столкнулась с целым набором крайне невыгодных для себя обстоятельств. Прежде всего это так называемый «мусульманский вопрос», к обострению которого привели просчеты как во внутренней, так и во внешней политике.

Начав с политики «игнорирования» мусульманского вопроса в Туркестане, царское правительство и местная администрация ничего не смогли противопоставить тенденции к консолидации мусульман в рамках империи. В общественном и политическом сознании жителей Центральной России, особенно накануне и в годы Первой мировой войны, на фоне реально существовавших и мнимых антирусских фобий при оценке степени политической лояльности местного населения нередко ставился знак равенства между понятиями «мусульманин» и «враг». В свою очередь, для подавляющего большинства туркестанской мусульманской среды, чье сознание не поднялось выше сиюминутных проблем выживания, Россия зачастую была тождественна понятиям «чужой» – «враг», а «Османская империя» – «свой» – «друг».

Не стоит представлять мусульманское население Туркестана как «монолитную среду», объединенную в единое

Национальная политика и проблемы межнациональных отношений – вопросы очень деликатные, требующие научной взвешенности и корректности в оценках.

Все чаще складывается ощущение, что историки «нашего времени» зачастую освободились не только и не столько от «партийно-идеологических оков», сколько от профессионализма, здравого смысла и от нравственно-этических норм.

целое против русского господства. В Туркестане и ранее, и после прихода русских происходили постоянные столкновения на национальной почве в основном по вопросам земле- и водопользования. Одной из причин порождавших это, было отсутствие исторического опыта государственности, основу которой составляла титульная нация. Тем не менее ислам как связующая основа конфессионального единства коренного населения являлся, пожалуй, важнейшей проблемой, с которой столкнулись русские чиновники в Туркестане.

Наибольшее его обострение приходится на период с 1898 г. (Андижанское восстание) по 1916 г. После 1917 г. проблема переходит несколько в иную плоскость и существует уже в рамках иного политического строя и иной государственной идеологии.

Немногочисленная часть туркестанского общества из числа коренного населения была задействована в политической жизни края и принятии управленческих решений. Ее можно обозначить термином «интеллектуальная элита». Она испытала на себе наибольшее влияние русской (европейской) культуры и социально-правовой мысли, а также передовых реформаторских течений исламского мира. При этом она

чувствовала себя ущемленной, так как представляла элиту национального меньшинства, что позволяло конфликтным ситуациям сохранять свою устойчивость в реалиях туркестанской действительности.

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было ни одной политической партии, созданной представителями коренного населения и отражавшей его интересы, а значит, способной возглавить восстание.

В начале XX в. край был далек от окончательной интеграции в общеимперское здание России. Очевидно, что острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах России существовала в той мере, в какой наблюдалась интеграция с империей в целом. Туркестан являлся примером последнего «имперского приобретения», наименее интегрированного с метрополией.

Говоря о степени интеграции Туркестана следует различать интеграцию края в государственную систему Российской империи и интеграцию переселенцев в местную среду. И тот и другой вид интеграции требует значительного времени. В случае с Туркестаном его не было.

Подход к внедрению в крае русского элемента со стороны правительства был односторонним и очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане, а в экономическом – не принес значительных дивидендов. Проводясь планомерно всего десятилетие, кампания по переселению явилась мощнейшим раздражителем.

Правительственная линия на поддержание переселенцев и создание для них условий наибольшего благоприятствования (предоставление различных льгот, выдача ссуд, освобождение от несения воинской повинности и уплаты налогов и податей и т.д.) имела свою негативную сторону.

Переселенцы оказались своеобразными заложниками, на которых сфоку-

сировалась большая часть недовольства коренного населения края в 1916 г. и безопасность которых не смогло обеспечить государство. Переселение было драматичной страницей истории не только для коренных народов края, но и в не меньшей степени для крестьян.

Освобождение от воинской повинности – одной из основополагающих обязанностей гражданина любой страны – это еще один показатель низкой степени интегрированности Туркестана с империей. Не позволяя «иностранцам» по разным, как объективным, так и субъективным, причинам выполнить эту обязанность, Российское государство, осознанно или нет, культивировало у подавляющего большинства нерусских народов ощущение себя как «иных», если не «чужих», но и не вполне «своих».

В отсутствие интеграции скрывается парадоксальность ситуации. Ограничения (особая система управления и административной подчиненности, «особые правила» вместо общеимперских законов) не позволяли идти процессу интеграции, а низкая степень интеграции порождала тезис о том, что коренное население Туркестана «не прониклось до конца идеей имперского общежития», а потому его «права» и даже «обязанности» (например, несение воинской повинности) стоит ограничивать и регулировать способами отличными, к примеру, от Архангельской, Московской или Курской губерний, механизмами.

Нередко власть пыталась найти ответы на вопросы нового времени, прибегая к старым способам решения проблем, но устаревшие механизмы руководства многонациональной империей все чаще давали сбой или работали не столь эффективно.

В арсенале власти имелся достаточно стандартный комплект действий или бездействий, порождавший негативное, протестное настроение нерусских народов империи.

Сделав ставку в Туркестане в основном на силовое присутствие, центральная власть успокаивала себя тезисом, что местное население понимает, признает, уважает и боится только метод постоян-

ной демонстрации «мускулов». Подобная политика в немалой степени способствовала значительному снижению лояльности и политической активности части мусульманского сообщества Туркестана.

Послесловие

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство, учитывая причины восстания 1916 г. и его последствия, приняло ряд решений. Но ни одно из них не было реализовано.

17 июня 1917 г. уже бывший генерал-губернатор Туркестана Куропаткин напишет в своем дневнике: «В Туркестане безначалие и можно ожидать больших волнений на почве голодовки ввиду полного неурожая. Давлетшин (А.А. Давлетшин – генерал-майор, в то время делопроизводитель Азиатской части Главного штаба, с 31 июля 1917 г. – начальник Азиатской части Главного штаба. – *Авт.*) очень пессимистически настроен относительно возможных событий в Туркестане. Особенно тревожно положение в Семиречинской области. Русское население, поддержанное солдатами, обнаруживает непримиримую ненависть к киргизам. Инженер Танышпаев, киргизский патриот, очень разумный деятель, считает единственным выходом образование двух уездов: русского (Пржевальского) и киргизского (Нарымского), как-то было мною предложено»⁴².

В 20-х годах XX в. идею о выделении русского населения Семиречья в отдельную административную единицу не только не забудут, но даже попробуют претворить в жизнь. После 1917 г. основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым населением, безусловно, продолжал оставаться вопрос земельный. С новой остротой он проявил себя в рамках земельно-водной реформы, которая проводилась в Средней Азии в начале 20-х годов прошлого века.

Так, в письме секретаря Букеевского губкома в ЦК РКП(б) (осень 1923 г.), говорилось: «Главным вопросом распрей между русскими и киргизами является земельный вопрос. Русское крестьянство как более сильное производит захват земельных участков.

Для урегулирования земельного вопроса необходима помощь центра. Нет средств для производства землеустроительных работ. КНКЗ (Киргизский народный комиссариат земледелия. – *Авт.*) средств не ассигнует – необходим нажим, ибо это вопрос большой политической важности, не говоря уже об экономической стороне дела»⁴⁰.

Вот выдержка из заявления руководящих работников Киргизской области в Киргизский обком от 22 июня 1925 г.: «Основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым населением, является, безусловно, вопрос земельный»⁴⁰.

В письме секретаря Джетысуйской области С.Ч. Чекпарбаева в ЦК РКП(б) о национальных отношениях в области за 1925 г. отмечалось: «Национальные взаимоотношения в результате национально-территориального размежевания освободили Джетысуйскую губернию от трений, каковые имелись между каракиргизами и узбеками, с одной стороны, а также значительно повлияли на ход взаимоотношений между населяющими губернию национальностями и, главным образом, между русским и казахско-киргизским населением»⁴⁰.

Партийный руководитель Джетысуйской губернии через несколько меся-

цев оценивает ситуацию следующим образом: «Нередко земли общественные вызывают споры и межнациональные трения. Например, недавно в Алма-Атинском уезде возникли 4 случая земельных споров между киргизами и русскими. Пришлось посылать на место комиссию»⁴⁰.

Единственным выходом из создавшегося положения руководители южных губерний Казахстана и Киргизской автономной области видели в выделении районов с преобладающим русским и украинским населением в самостоятельные автономные единицы и подчинением их непосредственно РСФСР⁴⁰. Но не стоит думать, что это была исключительно инициатива «сверху». Русское (особенно казачество) и украинское население также неоднократно поднимали вопрос об административной самостоятельности территорий с их компактным проживанием⁴⁰.

Апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г. заслушал специальный доклад о

положении в районах с казачьим населением. В резолюции по указанному докладу в п. 10 пленум признал допустимым, чтобы районы с компактным проживанием казачьего населения в национальных областях выделялись в отдельные административные единицы.

Для проведения в жизнь этого постановления Президиум ВЦИК 1 февраля 1926 г. образовал особую комиссию, которой поручил всестороннее рассмотрение вопроса о выделении казачьего и русского населения Киргизской АССР в особые административные единицы. Тем не менее и год спустя постановления пленума ЦК и Президиума ВЦИК по этому вопросу оставались до конца невыполненными.

Работа по административному выделению казаков и русских крестьян была проведена к этому времени только в Киргизской АССР. В Казахской АССР, где сосредоточился наибольший контингент переселенцев, решения партии и правительства в жизнь проведены не были.

Примечания

- ¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII // Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года. В 4-х томах. Март-апрель 1917 года. М., 2001. Т. 1. С. 35, 124–125, 59, 65, 343.
- ² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1026, 1030, 1033; Д. 1056, 1058, 1059; Ф. 400. Оп. 1. Д. 2211. Л. 12 об.
- ³ Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха [публикация С.М.Исхакова] // ВИ. 2001. № 2. С. 7.
- ⁴ Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 334.
- ⁵ Кривошеин А.В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. (приложение к всеподданнейшему докладу). СПб., 1912. С. 53–54.
- ⁶ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917 гг.). С. 50.
- ⁷ Голованов А.А., Саидов И.М. Дехканство Узбекистана на историческом повороте второй половины XIX — первой трети XX вв. Самарканд, 2007. С. 9.
- ⁸ История Самарканда. Ташкент, 1969. С. 354.
- ⁹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 184.
- ¹⁰ Василля Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 204–205.

* Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

- ¹¹ ЦГА РУз*. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 32. Л. 83; Ф. И-25. Оп. 1. Д. 164. Л. 41-42; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1147. Л. 184; Д. 1140. Л. 149-150; Ф. И-300. Оп.1. Д.133. Л.1; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 948. Л. 8; Д. 443. Л. 25; И-462. Оп. 1. Д. 443. Л. 88, 252; Д. 479. Л. 65; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2118. Л. 75 об; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 18; Ф. И-274. Оп. 1. Д. 8а. Л. 5-8; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 6; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 5 об-6; Д. 1158. Л. 222; Д. 202. Л. 3; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 23; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 27 об; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 15; Д. 1144. Л. 54; Ф. И-461. Оп. 1; Д. 2144. Л. 129; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 31; Д. 2144. Л. 127; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 7; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 20; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 2 об; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 3 об.-4 об; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 4.
- ¹² История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 525, 556.
- ¹³ *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. М., 1966. С. 51.
- ¹⁴ *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 32-33.
- ¹⁵ *Бахтуркина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С. 305-306.
- ¹⁶ *Лукьянов С.А.* Роль Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий МВД Российской империи в реализации государственной вероисповедной политики (1800-1917 гг.). М., 2008. С. 259.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 105; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 283, Л. 450; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24-25; Д. 1933б. Л. 357, 331-452; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 460; Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 62а-62б; Л. 56.
- ¹⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. / под ред. А.В.Пяковского. М., 1960. С. 271, 64, 88-90, 415.
- ¹⁹ *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 255.
- ²⁰ Цит. по: *Турсунова Р.Ю.* Городское самоуправление в Туркестане (1877-1918 гг.): дис... канд. ист. наук. Ташкент, 2000. С. 80-81.
- ²¹ *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916-1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2008. Т. V. С. 152-214.
- ²² Восстание 1916 г. в Средней Азии [публикация П. Галузо] // Красный архив. 1929. Т. 3(34). С. 45.
- ²³ Цит. по: *Зорин А.Н.* Революционное движение в Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931. С. 19, 18.
- ²⁴ Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг. Сб. док. / авт.-сост. Д.А.Аманжолова. Караганда, 2005. С. 91.
- ²⁵ *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. С. 256.
- ²⁶ *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 66-67.
- ²⁷ Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 60-69.
- ²⁸ Туркестанский курьер. 1916. 2 сент.
- ²⁹ Туркестанские ведомости. 1916. 20 сент.
- ³⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии: сб. док. / под ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 73.
- ³¹ Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 605-606.
- ³² *Сулейманов Б. С., Басин В. Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 93.
- ³³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. IV. С. 130, 21; Т. VII. С. 293.
- ³⁴ *Татищев А.А.* Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906-1921). М., 2001. С. 247-248; С. 178-179.

- ³⁵ Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927. С. 71–72.
- ³⁶ Сыдыков Е. Проблемы идейной эволюции национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Алма-Ата. 1998. № 4. С. 43.
- ³⁷ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 639.
- ³⁸ Джунушалиев Д.Д. Особенности аграрной политики в Кыргызстане в 20–30-х гг. XX века // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2007. № 2. С. 110.
- ³⁹ Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М., 2011. Т. 1. С. 222.
- ⁴⁰ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л.С.Гатагова, Л.П.Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 244, 29, 133, 288, 307, 331, 407, 431.
- ⁴¹ Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 539.
- ⁴² Дневник генерала А.Н.Куропаткина, 1917 год [публикация И.В.Карпеева, Е.Ю.Сергеева] // ИА. 1992. № 1. С. 164.

**Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.ru>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru